

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.3

Ренессансная природа петровских преобразований

© М. В. Иванов

*Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
Россия, 190031 г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 9.*

Email: mvifr@mail.ru

В статье оспаривается традиционное представление, что в России не было эпохи Возрождения. Есть все основания признать его существование. В основе гена Возрождения лежат секуляризация культуры, свобода личности, стремящейся получить счастье на Земле, и облагораживание «Природы» путем создания техносферы. Идеальный город должен был соединить блага природы и цивилизации. Петр I выступил как правитель ренессансного типа и создал социально-технические условия для развития в России культуры Возрождения. Шедевром Возрождения стал Санкт-Петербург. В нем были созданы условия для развития культуры Возрождения. «Культурный взрыв» и большой кропотливый труд деятелей русской науки, техники, искусства, чей умственный горизонт не ограничивался узко сословными дворянскими интересами. И доминантной возрожденческой личностью в русской культуре является выходец из крестьян Ломоносов.

Ключевые слова: *Ренессанс, культурный взрыв, идеальный город, техносфера, природа, секуляризация, свобода личности, Петр I, Ломоносов.*

В исследовании русской культуры петровская эпоха предстает как время неустоявшегося вкуса, неорганичного смешения традиций и новаторства, соседства разнородных стилей (церковной риторики, барокко, рококо, зачатков классицизма, средневековой карнавальности, псевдофольклорной новеллистики), макаронического языка и путаницы принципов этикета (почерпнутых из заповедей отцов церкви и советов Эразма Роттердамского). Такая «культурная смута» сама по себе не должна смущать, если согласиться с синергетическим подходом к развитию систем. В. П. Бранский справедливо утверждал: «Синергетическая философия истории включает в себя общую теорию социальной самоорганизации, являющуюся далеко идущим обобщением классической теории социального развития... В синергетической модели глобального прогресса показана творческая роль социального хаоса в формировании новых форм социального порядка» [4]. В свете современной теории синергетики и концепции «культурного взрыва» признание слабой структурности в ситуации большой неопределенности (бифуркации) соответствует взгляду изнутри эпохи хаоса, но при ретроспективном анализе результатов творческих поисков можно и необходимо установить логику связей прошлого с будущим. Возрождение предстает как особая, чрезвычайно важная, кардинальная проблема. Все достижения европейской культуры Нового времени восходят к ренессансному корню, поэтому осмыслить феномены западных «заимствований» в петровское и послепетровское время без учета генетического принципа просто невозможно. Историки и искусствоведы склонны считать, что Россия имела Предвозрождение, но миновала Возрождение, а ренессансные достижения проникали в русскую культуру обрывками, спорадически и через нерегулярное освоение норм разных европейских систем (барокко, рококо, классицизма в искусстве;

придворного этикета, бюрократических правил и т.п.), и полноценное выравнивание с государственной и духовной жизнью Запада у нас произошло в эпоху предклассицизма, классицизма, просвещенного абсолютизма и Просвещения. К сожалению, эта тенденция ко множественным истолкованиям и равноправию любых точек зрения имеет поддержку в методологии постмодернизма [14]. Но есть все основания признать существование полноценного русского Ренессанса и рассматривать его как период «культурного взрыва» [18], в результате которого было проложено русло дальнейшего многовекового развития нашей цивилизации.

Для установления феномена русского Возрождения требуется провести процедуру отождествления общеренессансной модели с определенным пластом русской культуры. Такую возможность открывает теория хронотопа М. М. Бахтина [2], которая охватывает не только литературу, но и культурно-психологические модели мира и определяется характеристиками пространства, времени и типа личности. Пространство включает в себя не просто геометрические или географические характеристики взаимоположения элементов, но и смысловую (семантическую) структуру картины мира и связано с устойчивыми, «наличными сейчас» параметрами (синхроническим срезом). Время определяет динамический аспект (события, количественные и качественные изменения), связано с движением и модификацией в мироустройстве (диахроническим срезом). Личность же строит свое поведение и обретает понимание мира и себя в заданных пространственно-временных координатах хронотопа. Появление нового, более развитого и более богатого внутренне исторического типа личности обеспечивается ростом ее свободы выбора, т.е. расширением реального многообразия возможностей ее самореализации.

Такую перспективу обозначило для России европейское Возрождение. Секуляризация общественной жизни, автономия науки, философское свободомыслие, утверждение красоты жизни и стремление найти счастье на Земле – вот каковы установки Ренессанса. Естественно, изменяется и модель жизненного пространства: ею стал город, рукотворная среда. В трактате «Четыре книги об архитектуре» (1570 г.) А. Палладио описывает именно городскую среду как идеальное пространство, богатое многими социальными функциями, демонстрирующими яркое и разнообразное бытие. «Итак, я сначала поведу речь о частных домах, а затем перейду к общественным зданиям и вкратце расскажу о дорогах, мостах, площадях, тюрьмах, базиликах, или судилищах, о ксисах и палестрах... о храмах, театрах и амфитеатрах, об арках, термах, акведуках» [26, с. 503]. Э. Гарэн в статье «Леонардо да Винчи и „идеальный город“», анализируя архитектурные проекты и письменные заметки Леонардо, приходит к выводу, что союз технического совершенства и природосообразности городской среды отразит космическую гармонию и совершенство человеческого организма. «Отсюда такое настойчивое стремление к пространственности города, просторного и потому хорошо освещенному, который обязан своей жизнью воде. Вода служит для передвижения по рекам, для орошения, очистки, но будто вновь соединяет нас с природой и землей своим жизненным ритмом... Вода – кровь; движение воды – кровообращение... Улицы и каналы, дома и церкви антропоморфны и, с другой стороны, отображают универсум» [6, с. 218]. Итальянские гуманисты полагали, что в новых условиях восстанавливают античную традицию. В России уже ренессансная итальянская культура воспринималась как идеал, заложивший традицию. Ее и стремился продолжить Петр I. Он хотел в устье Невы создать земной «парадиз» (райский уголок). В 1714 г. в ситуации союза «земли и воды» – при спуске на воду корабля – Петр провозгласил: «Писатели поставляют древнее обиталище наук в Греции; изгнанные оттуда судьбами, они нашли убежище в Италии, потом рассеялись

по всей Европе, дошли до Польши, но в отечество наше не проникли по невежеству наших предков, и мы остались в той самой тьме, в какую до появления их были погружены Германия и Польша... Теперь дошла до нас очередь, и просвещение уже не встретит препятствий в нашем Отечестве» [3, с. 130]. Известно, что при построении Петербурга император за пример взял город гондол Венецию и даже усиливал обилие водной поверхности новой столицы, приказывая прорывать (в разветвленном устье Невы!) новые каналы. А на островах строились дома не просто новых, европейских архитектурных стилей, но и создавались здания, в которых реализовывались новые функции. Это было организованное пространство для европейских институтов (музея – Кунсткамеры, казарм, школ, коллегий, театров, Академии наук, верфи больниц, аптек, биржи, т.п.). Именно в Петербурге возникла материальная и культурная среда, в которой зарождалось русское Возрождение, причем новая столица создавалась с напряжением всех национальных и государственных сил в короткие сроки.

Петербург и есть первый шедевр русского Возрождения [11]. И стоит обратить внимание на то, что выдающимися памятниками зодчества, опорными точками архитектурного ансамбля становились здания, имеющие прикладное, даже иногда прозаически утилитарное значение. Цеха для строительства кораблей, верфь (Адмиралтейство А. Захарова) стали центром на плане города. Д. Трезини построил цепь резиденций высшей бюрократии: Здание двенадцати коллегий. Д. Кваренги соорудил зал для упражнений военных всадников (Конногвардейский манеж), хранилище денежных знаков (Ассигнационный банк), две громадные женские школы – Смольный и Екатерининский институты, особняк Академии наук и главный корпус Мариинской больницы. Склад привозных товаров – Биржу на Стрелке Васильевского острова возвел Тома де Томон. Здание Генерального штаба с грандиозной триумфальной аркой задало уникальный вид Дворцовой площади, К. Росси открывал путь к сооружению О. Монферрана Александровской колонны – уникального инженерного объекта, построенного на основе расчетов основателя русской технической школы А. Бетанкура.

До сих пор ведутся споры о пути России, споры между западниками и славянофилами, и ключевой фигурой выступает Петр I. Но ренессансная ориентация в нашей культуре связывается с его мощным персональным влиянием на государственную жизнь. Личность правителя в самодержавном царстве играет исключительную роль, и биографически важный элемент судьбы властелина может определить его действия уже в общенациональном масштабе. Петр воплотил в себе тип ренессансной личности, причем в ранге всевластного правителя. В России появился монарх, во многом ставший таковым по воле случая. Петр был четырнадцатым ребенком царя, его младшим сыном, третьим по порядку родства наследником трона; и никто не собирался готовить его к правлению. Старая Русь предстала перед Петром чужой, злобной и враждебной стихией. А личный, бытово близкий Петру, уютный хронотоп представляла Немецкая слобода, где торжествовали религиозная ненавязчивость, свободный от домогательского давления светский этикет, интерес к механическим «хитростям», а дарование ценилось выше длины бороды. Это был всего лишь топографический пятячок в пределах обширной усадьбы, именуемой Москвой, но он тепло и маняще окружал молодого и деятельного монарха. Приведу один отрывок: «Его путешествие во Францию, Англию и Нидерланды было, собственно говоря, предпринято с целью обучения и дало ему точные знания о состоянии торговли и ремесла в этих странах. Было бы глупо порицать его занятия токарными работами в часы отдыха и его мастерство в литье пушек, и его свободное от каких-либо предрассудков стремление всегда иметь при себе мастеров своего дела» [5, с. 39]. Читатель ошибется, если

подумает, что речь идет о Петре I. Здесь говорится о феррарском герцоге Альфонсо I д'Эсте, который жил на рубеже XV и XVI вв. (1476–1534), за два века до Петра, но как похожи они! И Альфонсо I известен как один из первых итальянских правителей эпохи Возрождения, показавший пример преобразования городской среды (и физической, и социальной) в ренессансном духе. Автор предшествующего текста так переводит личные интересы герцога в делах правителя: «Феррара является первым современным европейским городом; здесь впервые по приказу правителей возникли столь крупные равномерно расположенные помещения для квартировки войск; здесь за счет концентрации чиновничества и искусственно насаждаемой промышленности увеличилась плотность населения столицы; богатых беженцев со всей Италии... приглашали поселиться здесь и строить дворцы... Итальянские князья, в отличие от северных современников, не ограничивались в своем обращении с дворянами... здесь князь может и должен использовать каждого, и дворянство по рождению представляет собой замкнутый слой, но в своем общении ориентировано на личное, а не кастовое достоинство» [5, с. 38–40].

Рассуждения о ренессансной ориентации деятельности Петра могут вызвать большие сомнения, если исходить из общей оценки его жизни и трудов. Двойственный облик этого царя присутствовал в русской культуре со времен его реформ (от ломоносовского подобия Бога до Антихриста старообрядцев). Книга современного крупного и авторитетного историка Е. В. Анисимова очень ярко описывает конфликт современных подходов к итогам петровских деяний [1]. Главное противоречие заключается в неразрешимости вопроса о свободной активности личности при сохранении рабского социального строя. «Реформа Петра, – писал Ключевский, – была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе не разрешенная» [15]. Такая же оценка дается всему периоду правления Романовых и через полтора столетия: при многих государственных реформах «неизменным (в своей основе) остается только тот государственно-крепостнический строй, который сформировался в середине XVII столетия, а потом продолжал развиваться и укрепляться» [27]. По наблюдению венгерского историка Д. Свака, в такой двойственности образа Петра заложена и причина его постоянной популярности в России: «Во все времена Петр I был любимым прообразом власть предержащих, но... и оппозиционеров, многие из которых видели в нем революционера, а чаще – реформатора» [25].

Говорить о ренессансной природе направления деятельности Петра – не значит заниматься восхвалением всех его начинаний. Речь идет о культурном импульсе, который произвел реформатор. Историки прямо говорят о многовекторности и хронологической разнородности исторических влияний. «Качественные изменения в развитии общества, государства, экономики, культуры не совпадают» [10, с. 10], – утверждают авторы современного вузовского учебника Б. Н. Земцов, А. В. Шубин, И. Н. Данилевский. «Задача историков – внимательно проанализировать... что происходило в соответствии с действием различных исторических факторов... асинхронно и с разной степенью интенсивности» [24], – пишет А. Н. Сахаров в капитальном труде по русской истории, подготовленном сотрудниками Академии наук. Поэтому

логично считать, что не все стороны жизни русской нации были пронизаны духом Возрождения. Кроме того, результаты совместной деятельности людей совсем необязательно соответствуют их планам и мотивам. «Соотношение цели и средства помогает понять поступки людей. Правда, в истории часто случается то, чего никто не хотел. Каждый действует по-своему рационально, однако в результате суммирования получается совершенно неожиданный результат» [19], – рассматривает проблему с философских позиций Б. В. Марков. Российский император обладал, безусловно, самой большой степенью персонального влияния на ход событий, но и он был не всесилен. Попытка создать беспрекословно послушного и инициативного раба не удалась, хотя не нужно забывать, что это была первая в нашей истории попытка властителя страны обратиться к сознательности и активности подданного, и она не прошла бесследно. И, наконец, стоит признать, что осознанный мотив может оказаться следствием более глубокой, доминантной идеи, которая оказалась в тени при заимствовании метода достижения цели, но сохранила свою неизбежную императивность. Можно согласиться с трактовкой первоначальной мотивации Петра, затеявшего реформу: «Вся его титаническая деятельность была направлена на достижение единственной цели – сделать Россию сильной и могучей. Утверждение о его стремлении европеизировать Россию является результатом ошибочного восприятия его реформ, в ходе которых использовался европейский опыт» [10, с. 109]. Вызывает сомнение категоричность такого утверждения, т.к. личные вкусы царя были во многом европеизированы. Но даже признав деспотический характер его правления, следует учесть, что военную реформу нельзя было провести без призыва к сотрудничеству активных и самостоятельных людей, способных действовать на основе свободы выбора [13]. И это были не только иностранцы, привыкшие к дворянской независимости и к уважению городского Магдебургского права. «Птенцы гнезда Петрова» за счет социального роста получили «глоток свободы» (Меншиков, Ягужинский, Шафиров); уже на закате царствования, в 1722 г., правитель создал «Табель о рангах», открывавшую путь простолюдинам к получению дворянского достоинства. Крепостной, ставший солдатом, превращался в «государева человека». Вольно или невольно пробивала себе дорогу доминантная ренессансная идея – идея свободы личности, способной преобразовывать мир и добиваться гармонии индивидуального бытия. Так и восприняли этот возрожденческий идеал те вышедшие из низов интеллигенты, которые и стали создателями новой, единой для всей нации культуры. Ю. М. Лотман справедливо утверждал: «Такие мыслители, как Ломоносов и Тредиаковский, стремились увидеть в монархии политическую форму, обеспечивающую не только национальное единство и научно-технический прогресс, но и защищающую народ от эгоизма дворян. Под властью самодержца объединяются патриоты и труженики всех сословий. Идеальная монархия Ломоносова – огромная мастерская, в которой люди различаются по профессиям – способу служения государству, а не по юридическим и сословным правам. Нигде не формулируя требования государства „без дворян“, Ломоносов мечтает о государстве „без трутней“ и, думая, что осуждает личные пороки отдельных дворян, в действительности отвергает социальную природу „благородного сословия“» [17, с. 228]. Даже если Петру нужны были лишь послушные мастера умственных технологий (врачи, инженеры, учителя, правоведы), он породил интеллигенцию, культурной базой которой неизбежно был Ренессанс.

Степень культурного влияния Возрождения на последующие века столь велика, что переход к разговору об отдельной личности может показаться нарушением меры в сопоставимости

категорий различного уровня. Поэтому стоит обратиться к ряду парадоксальных характеристик эпохи Ренессанса. Во-первых, ее культура наиболее полно реализовалась в «узком», локальном пространстве: в нескольких городах северной Италии. Во-вторых, она никогда не охватывала всех жителей этих городов. В-третьих, она была неустойчивой, а, следовательно, при кризисе начинала распадаться. Например, в период Высокого Возрождения в его центральном городе – Флоренции – картины Боттичелли были сожжены вместе с предметами «развратной роскоши» при ликовании толпы, попавшей под влияние Савонаролы – проповедника средневековой аскезы. А последующий разгром итальянских городов испанскими и французскими армиями отбросил Италию назад в ее культурном развитии. Не наблюдается последовательного и устойчивого развития и обогащения возрожденческих завоеваний в последующие века. Наоборот, гибель шедевров и забвение открытий Возрождения очевидны. (Только в XIX в. осознается значение чудом спасшейся части рукописей Леонардо да Винчи, Шекспир после смерти полтора века носил клеймо гениального варвара, пока его не признали Гердер и немецкие романтики.)

Творцы Ренессанса попытались создать в реальности жизнь, центром которой впервые оказался город – идеальный город, соединивший блага природы и цивилизации. «Городское пространство – улицы, площади, залы для собраний, церкви – стали открытыми для всех и каждого. Расколотый в прошлом на частные владения, как бы повторявший в миниатюре сельскую феодальную географию, город теперь превратился в воплощение абсолютно новой концепции человеческого бытия. Эта концепция... поднимала статус „простолюдина“... до полноправного гражданина. Жизнь обычного человека становилась не менее ценной, чем жизнь благородного феодала или прелата» [20]. За культурный эталон была взята очищенная от прозы и суеверий греко-римская античность с ее канонами красоты, мудрости, свободой духа, независимостью суждений, телесной открытостью и радостью. Торжество земного бытия, свет, веселье, оптимизм опьяняют нас в новеллах Боккаччо, в рассказе о Телемском аббатстве Рабле, в «Двенадцатой ночи» Шекспира. В Италии XV – начала XVI в. мы обнаружим много жестокости, предательства, распущенности, но в том не было ничего нового. А эпохальным новшеством было появление открытых библиотек и читателей античных книг, академий мудрости, веселых и буйных карнавалов, когда все равны; блеск ярких одежд и вера в человека, который все может и преобразует мир к лучшему. Жизнь итальянских городов времен Высокого Возрождения – это материально и социально воплощенный намек на возможное совершенное земное бытие. Но требовались специальные и уникальные условия, чтобы даже намек оказался возможен. Вот некоторые из них. Италия – полуостровная страна, поэтому лучше защищена от нападения соседей, чем территория внутри материка. Именно таким преимуществом и пользовались этносы Древней Греции и Древнего Рима. Эти исторические (территориальные) предшественники итальянцев стали осознаваться ими как предки, у которых следует учиться. Выход к морю сделал венецианцев и генуэзцев хозяевами Средиземного моря, открылась возможность торговли и активизации других форм коммуникации (межэтнической, культурной и т.п.). Феодальная сословная замкнутость разрушилась, усилились способы социального роста (предприимчивость давала богатство, военные успехи приносили власть безродным кондотьярам, талант обретал славу и почет, выгодные должности). К счастью для Италии, ее соседи только становились мощными национальными государствами, они завязали в конфликтах внутренних и внешних. В небольших итальянских городах-государствах выраба-

тывались новые, ренессансные формы жизни в своеобразных «курортных» условиях, сложившихся в благоприятных исторических обстоятельствах. Когда на границах Италии окрепли большие национальные государства, судьба этой раздробленной на малые республики и княжества страны была решена. Французы с севера, а испанцы с юга установили свой диктат.

Но модели улучшения жизни, разработанные вчерне и частично воплощенные в итальянскую реальность, в разном объеме и в разных направлениях были усвоены европейцами в последующие века. Возрождение является историческим типом культуры, который возникает на основе редкостного сочетания благоприятных социальных, политических и природных условий, дает богатые материальные и духовные результаты, но в таком «тепличном» режиме оказывается неустойчивой в пространстве и времени системой. Более архаические, но и более стабильные сообщества по мере возможностей осваивают достижения Ренессанса, обеспечивая рост и развитие собственной культуры. В борьбе с монополией папства на вмешательство в политику европейских монархов те, отстаивая уже свои государственные интересы, поддерживают использование и развитие национального языка. Придворный быт и ритуал пронизывает стремление к удобству, изяществу, разнообразию в модах, кулинарных и парфюмерных предпочтениях, возвеличиванию любовных чувств и снисхождению к легким увлечениям. Строятся замки, похожие на итальянские дворцы и виллы. Столичные веяния подхватывают состоятельные представители привилегированных сословий. Обогащается частная жизнь, растет интерес к чтению, коллекционированию скульптур и картин. Первоначально высшие слои общества сильно отделяются от «черного люда». Может господствовать потребительский интерес к ренессансным благам, они воспринимаются как привилегии благородного сословия. Но это уже не средневековые привилегии.

В основе гена Возрождения лежат несколько фундаментальных установок. Секуляризация культуры ориентирует на получение счастья на Земле. В каждом человеке признаются дарования, приравнивающие его если не к Богу, то ангелу. Личность должна облагородить себя и улучшить этот, земной, мир. Свобода является условием творчества. В рамках замкнутого привилегированного анклава эти установки можно переинтерпретировать как естественное вознаграждение за сословные добродетели (дворянство), старания предков (наследники богатей) или соплеменников (представители белой расы – плантаторы). Эгоизм привилегированной группы, конечно, делает большинство ее представителей недостаточно пронизательными в вопросах социальной справедливости. И все же установка на принципиальное равенство людей, хоть и урезанно, но начинает регулировать поведение всех членов «осчастливленного» слоя, облагораживая его. Наиболее же вдумчивые и совестливые готовы распространить выгоды своего социального круга и за его пределы. Для крепостнической России такой процесс был особенно значимым. Например, Г. А. Гуковский так писал о развитии взглядов крупнейшего отечественного драматурга XVIII в. Д. И. Фонвизина: «В публицистике Фонвизина, как и в его художественном творчестве, понятие о дворянине все более теряло узкословный и даже узкоклассовый характер, превращаясь в понятие лучших людей Отечества. Отсюда оставался один шаг до признания дворянских привилегий недействительными» [9]. Выдающиеся интеллигенты из низов также видели в петровской внутренней политике перспективы возможного социального роста простолюдинов.

Такая перспектива исторически возникла в итальянских торговых и ремесленных центрах, где все горожане были не только свободными людьми, но составляли общество, влияющее на

власть. Это был их город, который хотелось улучшать в стремлении к идеалу. «Ренессанс в культурно-типологическом плане является первой эпохой истории, когда город стал оцениваться как наилучшее место жизни человека. Не „Природа“, а техносфера – рукотворное пространство – стала притягивать умы людей, глядящих в будущее» [12]. Создавая свой идеальный город по образу и подобию венецианского рая, абсолютный монарх Петр I не задумывался о социально-политических и правовых корнях итальянского эксперимента. Но вольно или невольно царь принял ведущую ренессансную установку: главным условием государственного успеха является создание техносферы, воплощением которой является город – и город нового типа. Как справедливо утверждал А. М. Панченко, «достигнуть уровня европейской цивилизации, по мнению Петра, не производством слов, а производством вещей... если прежде весь мир, все элементы мироздания, включая человека, воспринимались как слово, то теперь и слово стало вещью... таковы надписи на триумфальных вратах и названия кораблей российского флота» [22]. Историки предполагают, что Петр овладел многими ремеслами – от корабельного мастера до зубного врача. Универсальность и размах его знаний и умений характеризует его личность как возрожденческую. Петр прежде всего инженер, делатель материально явленных предметов. «Основной принцип, на котором базируются реформы Петра – принцип полезности. ...Петр не ценил человека созерцательного и превыше всего ставил человека деятельного» [21].

Еще в середине XVIII в. И. И. Голиков стал собирать рассказы знавших Петра людей и документы его царствования. И вот как описаны социальные и культурные аспекты осознанных преобразователем нововведений. «Великий государь, почитая всегда обходительность и вежливость первую, так сказать, ступенью к просвещению подданных... по первом выезде своем из чужих краев учредил... ассамблеи, а после привел он их в правила... Знатные люди, яко-то дворянство, высшие офицеры, знатные купцы, хорошие художники, мастеровые и плотники корабельные, ученые и статские чиновники всякого звания имеют свободу входить в ассамблею, равно как и жены их» [7, с. 120–123].

Сам Петр, как и положено истинному сыну Ренессанса, замахивался широко, демонстрировал почти невероятное многообразие личных интересов и дарований, был способен на крайности в своих исканиях и потому, действительно, не походил на своих августейших потомков. (Скажем, он женился на простолюдинке, пойдя при этом на недопустимый для православия развод с первой женой.) Описания И. И. Голикова интересны в трех моментах. Во-первых, показана трансляция западной бытовой культуры в петербургской среде. Во-вторых, дана логически противоречивая характеристика этой трансляции: «правила» для «свободного» поведения (т.е. почти «принуждение к свободе»). В-третьих, состав гостей ассамблеи больше похож на толпу итальянского карнавала, чем на светский раут послепетровского времени. Возрожденческий расчет Петра на союз людей дела оказался слишком оптимистичным, восторжествовали сословные амбиции дворянства, которое приняло нововведение только для себя.

Чтобы переключить мысль своих подданных от поиска загробного вознаграждения на достижение земного успеха, Петр выдвинул явно мирскую идею общественного блага, которая выражалась в служении государству. Как писал Р. Пайпс, «истинно революционный аспект петровских реформ был сокрыт от современников, да и сам Петр едва ли понимал его. Он заключался в идее государства как организации, служащей высшему идеалу – общественному благу – и в сопутствующей ей идее общества как партнера государства» [23, с. 179]. «Именно

при Петре возникло понятие о государстве как о чем-то отличном от монарха и стоящем выше его... Он был первым российским монархом, высказавшим идею *bien public* (общественного блага. – *М. И.*) и выразившем какой-то интерес к улучшению доли своих подданных. При Петре в России впервые ощутили взаимосвязь между общественным и личным благом; немалая часть внутривластной деятельности Петра была нацелена на то, чтобы россияне осознали эту связь между частным и общественным благосостоянием» [23, с. 181–182]. К сожалению, не все в России это ощутили, поиск партнерства государства и общества был направлен в основном на контакт монархии и дворянства, чьи отношения и выяснялись целый век путем дворцовых переворотов. Но старомосковская, средневековая норма служения кремлевскому владельцу всей Руси сменилась петербургскими правилами дворянской чести и долгом служения Отечеству, российскому государству и императору.

При последующем расширении дворянских свобод создавались условия для появления социально ответственных, независимо мыслящих и гуманных дворян. Зато положение социальных низов последовательно ухудшалось. «Вольность дворянская» расширялась за счет предельного урезания прав крестьян, режим крепостничества к концу XVIII в. достиг крайнего ужесточения. Наблюдалось расширение пропасти между культурами привилегированного верха и бесправного низа. В культурном отношении появлялась опасность формирования страны с колониальным режимом, где покоренное население превращалось в туземцев. Возникло неустойчивое положение. Генезис Возрождения был направлен на сплачивание нации в рамках единой культуры. С тосканского наречия «Божественной комедии» Данте и с перевода Лютером «Библии» на немецкий начиналось становление национальных языков Италии и Германии. Технические, архитектурные, военные, научные и административные новшества Петра имели западноевропейский ренессансный источник. Однако они, будучи в России заимствованиями, еще не создавали в своей совокупности русский Ренессанс. Требовался культурный взрыв и большой кропотливый труд деятелей русской литературы, живописи, архитектуры, скульптуры, историков, философов.

Русское Возрождение не смогло бы стать базой новой русской литературы, если бы не было реализовано стремление к единой национальной культуре, пусть и идущее с властительного «верха». Успешно решить такую задачу могли лишь личности, чей умственный горизонт не ограничивался узко сословными дворянскими интересами. И, разумеется, доминантной возрожденческой личностью в русской культуре является Михаил Васильевич Ломоносов. Первым авторитетным ученым, который высказал в 1739 г. мысль о ренессансной природе творчества Ломоносова, был автор выдающегося труда, посвященного русской литературе XVIII в. Г. А. Гуковский:

«Титанические образы идеала, характерные для Ломоносова, ведут нас не к традиции аналитического метода классицизма, разлагавшего на составные понятия живую плоть действительности, а к космическому синтезу и обобщению идеальных явлений Возрождения. Ломоносов был последним великим представителем европейской традиции культуры Возрождения в поэзии. Он воспринял традиции Ренессанса через немецкую литературу... Патетика ломоносовской оды, ее грандиозный размах, ее напряженно-образная, яркая метафорическая манера сближает ее именно с искусством Возрождения» [8].

Петр I создал социально-технические условия для развития в России культуры Возрождения. Ломоносов был тем гением, который в своем творчестве и общественном служении воплотил культурный тип русского Ренессанса.

Литература

1. Анисимов Е. В. *Петр Первый: благо или зло для России?* М.: Новое литературное обозрение, **2019**. 272 с.
2. Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, **1975**. 504 с.
3. Башуцкий А. *Панорама Санкт-Петербурга*. СПб., **1834**. С. 130.
4. Бранский В. П. Синергетическая философия истории // *Карминские чтения*. СПб., **2011**. С. 32.
5. Бургхарт Я. *Культура Возрождения в Италии*. М.: Юристъ, **1996**. С. 39.
6. Гарэн Э. *Проблемы итальянского Возрождения*. М., **1986**. С. 218.
7. Голиков И. *Дополнения к «Деяниям Петра Великого»*. М., **1994**. Т. 12. С. 120.
8. Гуковский Г. А. *Русская литература XVIII века*. М.: Учпедгиз, **1939**. С. 108.
9. Гуковский Г. А. Фонвизин // *История русской литературы*. М., **1947**. Т. IV. С. 160.
10. Земцов Б. Н., Шубин А. В., Данилевский И. Н. *История России*. М.: Питер, **2013**. С. 10.
11. Иванов М. В. *Шедевр Возрождения*. СПб.: Невский фонд, **2010**. 104 с.
12. Иванов М. В. Историческая форма самоактуализации личности Бетанкура // *Августин Бетанкур: От традиций к будущему инженерного образования*. СПб.: Изд-во ПГУПС, **2018**. С. 94.
13. Иванов М. В. Психология творчества и педагогика в контексте асинхронности культурных слоев личности // *Российский гуманитарный журнал*. **2015**. Т. 4. №1. С. 43–49.
14. Иванов М. В. Метатекст эпохи взрыва // *Психология образования в поликультурном пространстве*. **2015**. №2. С. 26–31.
15. Ключевский В. О. *Русская история*. М.: Эксмо, **2005**. С. 665.
16. Лихачев Д. С. *О филологии*. М.: Высшая школа, **1989**. С. 126.
17. Лотман Ю. М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в. // *«Слово о полку Игореве» – памятник XII века*. М.: Изд-во АН СССР, **1962**. С. 338.
18. Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М.: АСТ, **2018**. 256 с.
19. Марков Б. В. *Философия*. М.: Питер, **2012**. С. 290.
20. Осборн Р. *Цивилизация. Новая история Западного мира*. М.: Хранитель, **2007**. С. 287.
21. Панченко А. М. *О русской истории и культуре*. СПб.: Азбука, **2000**. 464 с.
22. Панченко А. М. Я эмигрировал в Древнюю Русь // *Звезда*. **2008**. С. 299.
23. Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. М.: Захаров, **2004**. 550 с.
24. Сахаров А. Н. Российская история – органическая часть истории человечества // *История России в 2-х томах. Т. I. С древнейших времен до конца XVIII века*. М.: АСТ, **2003**. С. IV–V.
25. Свак Д. Опыт создания новой государственной концепции истории России // *Вестник СПбГУ. История*. **2017**. Т. 62. Вып. 4. С. 905.
26. *Эстетика Ренессанса в 2-х томах*. М.: Искусство, **1981**. Т. 2. С. 503.
27. Dvornichenko A. Y. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. **2018**. Т. 63. Вып. 2. С. 646.

Поступила в редакцию 30.05.2020 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2020.3.3

Renaissance nature of Peter's transformations

© M. V. Ivanov

*Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University
9 Moskovsky Avenue, 190031 Saint Petersburg, Russia.*

Email: mvifp@mail.ru

The article challenges the traditional notion that there was no Renaissance in Russia. Traditionally, it is believed that Russia had a pre-Renaissance, but there was no Renaissance, and Renaissance achievements penetrated into Russian culture in fragments, sporadically and through irregular development of the norms of different European cultural systems. However, there is every reason to recognize the existence of a full-fledged Russian Renaissance and consider it as a national "cultural explosion". The basis of the Renaissance gene is the secularization of culture and the freedom of the individual who seeks to get happiness on earth. Not "Nature", but the technosphere began to attract people's minds; the ideal city had to combine the benefits of nature and civilization. Peter I, by virtue of his biographical features, acted as a ruler of the Renaissance type and created social and technical conditions for the development of the Renaissance culture in Russia. St. Petersburg built by the Tsar's will became a masterpiece of the Renaissance. Its architecture implemented the Renaissance city model. It created conditions for the development of a Renaissance culture. Technical, architectural, military, scientific, and administrative innovations were insufficient. It required a "cultural explosion" and a lot of hard work by figures of Russian science, technology, literature, painting, architecture, sculpture, historians, and philosophers. Only persons whose mental horizon was not limited to the narrow class interests of the nobility could successfully solve such task. The dominant Renaissance personality in the Russian culture is Mikhail Lomonosov, who was born in peasantry.

Keywords: Renaissance, cultural explosion, ideal city, technosphere, nature, secularization, personal freedom, Peter I, Lomonosov.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ivanov M. V. Renaissance nature of Peter's transformations // *Liberal Arts in Russia*. 2020. Vol. 9. No. 3. Pp. 174–185.

References

1. Anisimov E. V. *Petr Pervyi: blago ili zlo dlya Rossii? [Peter the First: good or bad for Russia?]* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
2. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki [Questions of literature and aesthetics]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975.
3. Bashutskii A. *Panorama Sankt-Peterburga [Panorama of St. Petersburg]*. Saint Petersburg, 1834. Pp. 130.
4. Branskii V. P. *Karminskie chteniya*. Saint Petersburg, 2011. Pp. 32.
5. Burgkharth Ya. *Kul'tura Vozrozhdeniya v Italii [Renaissance culture in Italy]*. Moscow: Yurist'. 1996. Pp. 39.
6. Garen E. *Problemy ital'yanskogo Vozrozhdeniya [Problems of the Italian Renaissance]*. Moscow, 1986. Pp. 218.
7. Golikov I. *Dopolneniya k «Deyaniyam Petra Velikogo» [Supplements to the "Acts of Peter the Great"]*. Moscow, 1994. Vol. 12. Pp. 120.
8. Gukovskii G. A. *Russkaya literatura XVIII veka [Russian literature of the 18th century]*. Moscow: Uchpedgiz, 1939. Pp. 108.

9. Gukovskii G. A. *Istoriya russkoi literatury*. Moscow, **1947**. T. IV. Pp. 160.
10. Zemtsov B. N., Shubin A. V., Danilevskii I. N. *Istoriya Rossii [History of Russia]*. Moscow: Piter, **2013**. Pp. 10.
11. Ivanov M. V. *Shedevr Vozrozhdeniya [Renaissance masterpiece]*. Saint Petersburg: Nevskii fond, **2010**.
12. Ivanov M. V. *Avgustin Betankur: Ot traditsii k budushchemu inzhenernogo obrazovaniya*. Saint Petersburg: Izd-vo PGUPS, **2018**. Pp. 94.
13. Ivanov M. V. *Liberal Arts in Russia*. **2015**. Vol. 4. No. 1. Pp. 43–49.
14. Ivanov M. V. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*. **2015**. No. 2. Pp. 26–31.
15. Klyuchevskii V. O. *Russkaya istoriya [Russian history]*. Moscow: Eksmo, **2005**. Pp. 665.
16. Likhachev D. S. *O filologii [On philology]*. Moscow: Vysshaya shkola, **1989**. Pp. 126.
17. Lotman Yu. M. «Slovo o polku Igoreve» – pamyatnik XII veka. Moscow: Izd-vo AN SSSR, **1962**. Pp. 338.
18. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]*. Moscow: AST, **2018**.
19. Markov B. V. *Filosofiya [Philosophy]*. Moscow: Piter, **2012**. Pp. 290.
20. Osborne R. *Tsivilizatsiya. Novaya istoriya Zapadnogo mira [Civilization: A new history of the Western world]*. Moscow: Khranitel', **2007**. Pp. 287.
21. Panchenko A. M. *O russkoi istorii i kul'ture [About Russian history and culture]*. Saint Petersburg: Azbuka, **2000**.
22. Panchenko A. M. *Zvezda*. **2008**. Pp. 299.
23. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]*. Moscow: Zakharov, **2004**.
24. Sakharov A. N. *Istoriya Rossii v 2-kh tomakh. T. I. S drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka*. Moscow: AST, **2003**. Pp. IV–V.
25. Svak D. *Vestnik SPbGU. Istoriya*. **2017**. Vol. 62. No. 4. Pp. 905.
26. *Estetika Renessansa v 2-kh tomakh [Aesthetics of the Renaissance in 2 volumes]*. Moscow: Iskusstvo, **1981**. Vol. 2. Pp. 503.
27. Dvornichenko A. Y. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. **2018**. Vol. 63. No. 2. Pp. 646.

Received 30.05.2020.